

СТАЛЬНОЙ СИНИЙ

*Затягивающий синий,
что устремлен в ночь.*

Они занимаются любовью. А что это значит? Фрида разделась, сама и очень быстро, на пол брошена юбка — от нее бесцеремонно избавились, на рубашке расстегнуты пуговицы — одна за одной, одна за одной; действие началось: голые тела, сползли штаны. Такая нежная, она преподносит свое тело с гордостью, без застенчивости, без наигранной чистоты; тело она приручила очень рано, когда столкнулась с изменами: слишком худая, узкие бедра, нога, ошпаренная полиомиелитом. Хромающая девчонка: Фрида — деревянная нога, источник чрезмерно тонкой плоти, которую она без предвзятости изучила со всех сторон (впадинки, бугорки — вот ее метрика, хвастаться здесь нечем, но и второсортной такую красоту не назовешь).

Сначала Диего завладевает тобой, как людоед, попросту навалившись всем своим весом, испытывая желание, брызгая слюной и ощерившись всей пастью; кажется, он ничего не видит, тычется

носом — ну прямо этакая собака-ищейка, рыщущая в поисках запахов и необычных оттенков кожи, нетерпеливая и веселая, превращается в вездесущие и колючие руки, гурман в ожидании пиршества при том, что еще даже не разделет.

Она раздевает его: вытаскивает из брюк ремень, выпускает на свободу огромную бесформенную одежду и пытается разобраться в получившейся массе, стаскивает с него огромные черные ботинки (а сделать это надо быстро, не смахнув с его головы ковбойской шляпы), необходимо освободить тело Диего, чья слава дошла до самой Европы, мифический тотем, который старше ее в два раза и который прожил на десять жизней больше нее. Она оказывается сверху, никто из них не смеется, оба охвачены срочностью момента; словно наездница, Фрида вскарабкивается на него, целует мужскую грудь, она понимает, что до нее через Диего прошел целый карнавал пышных женских задов — профессионалок, девственниц и распутниц, — они проделывали с ним то же самое, что и она, но тем же оно не было. Секс всегда случается впервые. Верхом на волшебном Венеринном холме, Диего, вдруг ставший таким легким и ловким, хозяином положения, уверенным в своем праве, искусным мастером дела, прозорливым как ребенок, он овладевает ее лоном, безраздельно отдающимся созерцанию, искусное орудие,

пестик, ублажающий ступку, признанный эксперт, ключицы, униженные бусинками пота, миниатюрная женщина никогда от этого не отказывается, она кричит, словно лающая сучка, он полностью включается в процесс, они занимаются любовью — а что это значит?

И вот все закончилось, напряжение спало, оба вытирают пятна, а может, и не вытирают, на душе спокойно, в комнате темно, кинувшись в самом начале друг на друга, они не включили свет, для них это был первый раз, они впервые занимались любовью, словно открыли первую бутылку на празднике, толика некоего обряда, ведь этот праздник был так желаем, и Диего, не глядя на Фриду, спрашивает: «Черт возьми! Откуда у тебя эти шрамы?»

О нем она знает все, всю его мифологию, а он о ней — ничего, она для него никто. Он — великий художник Мексики, а она родилась в Койоакане, и в ней течет смешанная кровь, ей нет и двадцати; помимо всего, у нее поврежден позвоночник. Она все рассказывает ему. Отвечает на его вопрос.

Это случилось более двух лет назад. В тот день Фрида была с Алехандро, своей любовью, своим *novio**; вместо того чтобы пойти на учебу, они

* Молодой человек, жених (*исп.*).

с самого утра слонялись по Мехико, беспечные, ничем не отягощенные, будто разбойники; стоял сентябрьский день — лето отступало, — аромат времени становился тяжелее. Она уже накопила себе всяких безделушек, маленьких кукол и браслетов, ничего не может с собой поделать: стоит ей только взглянуть на бесполезную вещицу, как та превращается в жизненно важный талисман — священные побрякушки, которые она собирает; хоть ее фетишизм девочки-колдуньи слегка и раздражал Алехандро, он все равно умилялся ею.

Лежа в темноте, она говорит с Диего совсем тихо. Теперь, когда пот перестал течь градом, их окутала прохлада; они, шутливые, источающие аромат, едва касаются телами.

Чтобы доехать до дома, Алехандро и Фрида сели в автобус. Заняв свободное место, она понимает, что где-то потеряла зонтик от солнца, начинает волноваться, просит Алехандро помочь: «Ну где же зонтик?! Он был у меня в руках, когда мы гуляли по рынку». — «Фрида, ну и бог с ним, это всего лишь зонтик». Нет, не бог с ним, Фрида боится терять свои вещи — они успокаивают, являются продолжением ее самой; она силком вытаскивает Алехандро из автобуса, они оказываются на тротуаре. «Где ты собираешься его искать?» — начинает ее отчитывать Алехандро; он подарит ей другой, намного красивее, убеждает любимый и тащит

за собой в следующий автобус; Фрида уже забыла о зонтике, главная ценность вещей — их истории, а истории пишутся *sobre la marcha*^{*}, новый обещанный зонтик будет напоминать о случившейся неприятности. Они втискиваются в следующий забитый автобус и, прижавшись друг к другу, усаживаются в самом конце — Фрида прильнула к телу Алехандро, каждый сантиметр которого знала наизусть; теперь так же, рассказывая историю, этим вечером она прильнула к другому, совершенно незнакомому телу Риверы. Автобус новенький, краска сверкает, а сиденья еще не затерты — Фрида обращает на это внимание. Она также замечает женщину, на руках ее балуется ребенок, глаза у него необыкновенные — стального синего цвета; волосы матери туго завязаны в низкий пучок, одна прядь выбилась, и сын за нее дергает — маленький хулиган. Уставшая мать улыбается; женщина стоит, и Фрида подумала, что надо бы уступить ей место, потом ее взгляд приковывают инструменты мужчины, что стоит к ней спиной: на нем комбинезон, испещренный рыжеватой краской, точно этот человек — маляр. И тут она видит: трамвай, прямо напротив нее, с правой стороны автобуса... Трамвай, и ей кажется, что он движется прямо в их сторону; она хохочет, и смех ее нервный,

^{*} На ходу (*исп.*).

появляется он при возникновении чего-то необычного — при обмане зрения, который позволяет нам в шутку почувствовать страх, Фрида вскрикивает, но, может, только мысленно: «Александр, смотри, трамвай!» Она думает: «Все обойдется. Точно обойдется! Кажется, он протаранит нас, но все обойдется». Фрида понимает, что сейчас случится нечто непоправимое, но отказывается в это верить: ведь она непобедима, на ней доспехи ацтеков, она сама есть дух. Это все шутка. Фрида смотрит на Алехандро: ни о чем не подозревая, он сидит рядом и в левой руке крепко сжимает ее сумку, беспечно глядит в другую сторону. Фрида думает о камушке, что подобрала на дороге и положила себе в карман: с ним ничего не случится. Ей не страшно. Почему ей не страшно? Все эти мысли проносятся в ее голове за секунду. Непонятно, произнесла ли она вслух: «Александр, смотри, трамвай!» — но он все равно не успел ей ответить, потому что трамвай действительно врезался в автобус, для нее столкновение произошло совершенно спокойно: в тишине и не спеша один транспорт бесшумно вошел в другой, словно в сон. Автобус сгибается, будто сделан из самой настоящей резины, с ним покорно рука об руку следует причудливая деформация, нанесенная трамваем-упрямцем, решившим проехать сквозь сверкающего новичка. Автобус выгибается все сильнее

и сильнее, принимая форму подковы, он скрючился, как тело Мадонны, оскверненное во время нападений ужасного вепря. Фрида чувствует, что до ее колен что-то дотронулось, и ей стало спокойнее — но это же абсурд: своими коленями в этом изогнутом автобусе ее касается сосед, сидящий напротив; от удивления глаза на лоб полезли, и вдруг все оборвалось.

Диего не произнес ни слова, слушает ее, положив руку на грудь, он укутан рассказом, не шевелится, только пальцем гладит подмышку Фриды, хотя сам того не осознает, — эта часть тела очень нежная и нуждается в прикосновении, пусть даже едва ощутимом.

— Мы были на пересечении Куаутемосин и Кальсада де Тлальпан.

И вдруг все оборвалось.

Фрида не знает, потеряла ли сознание, такое ощущение, что она видела все своими глазами, что со всем ужасом столкнулась лицом к лицу. Потом задалась вопросом: а где ее вещи (об этом она помнила в мельчайших подробностях), Фрида забеспокоилась о вещах: ее сумка лежала на коленях Алехандро, а он, в свою очередь, сидел в автобусе рядом; очевидно, сумки больше нет, а в испарившейся котомке лежал крохотный деревянный

предмет — синий бильбоке: если им потрясти, то послышится приятный звук перекатывания шариков, его она только-только купила. Где же сумка? И где Алехандро? Где она сама? Лежит, сидит, стоит? Ее внутренний компас сбился. Она чувствует, как поднимается волна горожан, слышит, как в один миг воздух сотрясают крики и вой, будто с корнета вдруг сняли сурдину, и до нее издалека долетают невероятно громкие вопли. Ей не больно, непонятно, где она находится. Наконец-то Фрида видит Алехандро, лицо его почернело, он наклонился и, похоже, хочет взять ее на руки. Словно перепачканный ангел. К ее *novio* подошел какой-то мужчина и сказал неоспоримым тоном, что его надо *вытащить*. «Что вытащить?» — подумала она. Побелевший Алехандро держит ее, а мужчина уверенным движением прижимает коленом ей ноги. «Но зачем?» — на секунду задумалась она. Неожиданно мужчина крикнул: «Давай!» И изо всех сил выдернул торчащий кусок металлического поручня. Фрида вынырнула из забытья, ее пронзила боль, словно разорвались все внутренности. Безжалостный огонь, что саму мысль о боли относит в ряд устаревших.

Из нее торчал кусок металла. Поручень пронзил ее грудь насквозь.

Она сделала жест, будто достала меч из ножен, грубо и мужественно; Диего продолжал молчать.

— И абсурдность всей ситуации в том, что, вопреки логике, я сошла с предыдущего автобуса. Диего, я вышла за зонтиком.

Позже Алехандро ей рассказал, что пока он искал ее среди обломков, то услышал нечеловеческий крик: «Танцовщица. Это танцовщица! Посмотрите!» Проходившие мимо очевидцы аварии указывали пальцем на совершенно голую женщину, во время великолепного столкновения с нее сдуло одежду, словно листву с дерева, и она лежала среди обломков, покрытая свежей кровью, будто в платье ярко-красного цвета, расшитом золотыми пылинками.

— Диего, это я, я танцовщица! Я была на сцене. Все смотрели на меня. У маляра в испачканном комбинезоне, что ехал со мной в автобусе, среди инструментов стояла баночка с золотой краской, и при столкновении она опрокинулась. На меня. Танцовщица, *la bailarina*, вот что от меня осталось. Я даже не знаю, жив ли этот маляр. Мне рассказали, что его краска вылилась на меня, а я была абсолютно голой. Я также не знаю, что произошло с ребенком с невероятно синими глазами.

Она зачитывает стихотворение своего любимого поэта:

*Мне кажется, что у меня нет спутников,
но вскоре вокруг меня
собирается целый отряд,*

*Кто рядом, кто позади, кто обнимает меня,
Это души милых друзей, умерших и живых,
Их целая толпа, она все гуще,
а я — посредине* ...*

Диего знаком с творчеством Уолта Уитмена, он сжимает Фриду в объятиях, ему хотелось бы сказать ей, что ее рассказ одновременно и ужасен, и невероятно прекрасен, он целует спину, целует шрамы.

— У меня внутри все переломано, но снаружи этого не видно, так ведь? — спрашивает его Фрида.

«Нет, видно, — подумал он. — Видно, потому что, глядя на усилие, с которым она делает каждое движение, все понимаешь, потому что мы не такие упрямы, чтобы жить и прятать от всех пережитый ужас, все видно, Фрида». Но он отвечает ей только:

— Мне видна ты, Фрида.

* Отрывок из стихотворения «Эти песни пою я весной» американского поэта Уолта Уитмена. Перевод Б. Слуцкого.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

